

DOI 10.18522/2415-8852-2023-4-138-161

УДК 929

**ЛОВЕЦ АВТОБИОГРАФИЙ:
ЛИТЕРАТУРНОЕ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ ФЕДОРА ФИДЛЕРА**

Диана Андреевна Анисенко

старший специалист по работе с партнерами «Российской энциклопедии»

e-mail: d.anisenko@greatbook.ru

ORCID: 0009-0009-8914-8426

Аннотация. Статья посвящена курированию (авто)биографических практик в литературных средах Российской империи рубежа XIX–XX вв. Особое внимание уделяется неочевидным участникам, выполняющим роль посредников, архитекторов и катализаторов (авто)биографической активности. Речь идет о редакторах, издателях, переводчиках, побуждающих литераторов занимать позицию (авто)биографов, превращающих (авто)биографические практики в приметную литературного быта, использующих этот ресурс для формирования литературных сообществ, поддержания интереса публики к литературе и закрепления за литературой высокого культурного статуса, содействующих становлению российской (авто)биографической культуры. Размывание границ между вкладками участников, совместно создающих интерперсональные (литературные и автобиографические) артефакты, фиксируется с помощью графически модифицированного термина (авто)биография.

Курирование литературных (авто)биографий рассматривается на примере деятельности Федора Федоровича Фидлера. Видный популяризатор русской поэзии, ее переводчик на немецкий язык и преподаватель Санкт-Петербургского университета приобрел широкую известность своей уникальной коллекцией литературных (авто)биографий и разнообразными практиками вовлечения русских писателей в письменную работу над собой. Мы описываем его масштабный (авто)биографический проект, сближающий литературу с автобиографией. Основное внимание уделено культурным амплуа (переводчика, архивариуса, хроникера, редактора и составителя, исследователя и коллекционера), которые Фидлер осваивает в ходе реализации проекта. Как мы показываем, уникальным куратором делают Фидлера его готовность и способность выполнять эту работу, опережая свое время. Предметом его кураторского отбора, активации, фасилитации, насыщенного сопровождения и добавления ценности становится автобиографическое письмо и формирование поля литературы через усиление письменной личности литератора.

Ключевые слова: литературная (авто)биография, (авто)биографические практики, сборник, коллекционер, куратор, русские писатели, письмо, экспонирование

Вэссе, имеющем статус постскриптума к экспериментальной истории 1913 г., немецкий романист и художественный критик Флориан Иллиес признался со смесью неловкости и рефлексии в одном «досадном упущении». Из составляемого им калейдоскопа встреч выпал поэт Рихард Демель, игравший исключительную роль в «духовной жизни немецкоязычных стран предвоенного периода»:

«Повсюду были следы его присутствия, его витальности, его воздействия – неважно, идет ли речь о Рихарде Штраусе или об Арнольде Шёнберге, который уверял, что все его крупные композиции были вдохновлены стихами Демеля» [Иллиес: 246].

Зная о Демеле, Иллиес не разглядел его системообразующего значения для Гамбурга, Германии и Европы 1913 г., а потому – проигнорировал. Неполная видимость и неразличимость вклада симптоматичны, ибо свидетельствуют разом и об отсутствии подходящей аналитической оптики, и об устройстве культурной памяти, замещенной и уплощенной историей канона.

Для Иллиеса, фокусирующегося на культурной истории темпоральности, важна способность Демеля (и его жены Иды) оказываться на переднем крае своего времени и в его узловых точках, объединяя «за ужином всю несинхронную одновременность 1913 года» [Там же: 247]. Тогда как для нашего

исследования куда важнее его способность влиять на культурную среду, создавать атмосферу, вдохновлять, актуализировать, вызывать к жизни события и усиливать творческие импульсы, которые конституируют поле культуры и насыщают его.

Эта статья посвящена другому немцу, оказавшему благотворное влияние на культурную среду. Он жил одновременно с Демелем, но не в Гамбурге, а в Санкт-Петербурге. Был не поэтом, а переводчиком и коллекционером, воодушевлял и создавал условия для творчества не музыкантов с художниками, а литераторов:

«Маленькая фигурка его в аккуратном старом сюртучке постоянно присутствовала на всех литературных юбилейных чествованиях, обедах и ужинах с неизменным альбомом в кармане для автографов, зарисовок...» [Ходотов: 207].

Его вездесущее и деятельное присутствие так же трудно различить с исторической дистанции, как и присутствие Демеля. А главным отличием Федора Федоровича Фидлера была его работа по культурному катализу, направленная на усиление (авто)биографического импульса в литературной жизни России рубежа веков. Актуализируя письменное «я» писателя, Фидлер превращал его возникновение и расширение в общественно значимое событие.

Беря эпистемологически истолкованную неловкость, сформулированную Иллиесом, за отправную точку, мы сосредоточимся на описании культурных амплуа, которые делают участие Федора Федоровича Фидлера в литературном процессе видимым.

(Авто)биографическая культура в России рубежа веков

(Авто)биографическая культура рассматривается нами в прагматическом ключе как место формирования и сосуществования автобиографических практик, которые Н. Миллер и Д. Морган определяли через широкий диапазон автобиографических действий и перформативных исполнений «я» [Miller, Morgan]. Сегодня внимание исследователей сосредоточено на институциональных средах, политиках идентичности, ожиданиях публики, культурных логиках эпохи и действиях конкретных лиц, создающих ситуации, которые побуждают участников рассказать историю о себе и своей жизни, становясь авторами [Depkat; Jancke, Ulbrich; Šlibar; Smith; Stanley]. Фидлер – одно из этих лиц.

Из этой перспективы автобиографическое письмо выглядит динамическим процессом, деятельным воплощением замысла и культурной технологией концептуализации собственного «я». Оно репрезентирует индивида и генерирует его образ, оставляя возможность для саморепрезентации, самопознания и самореализации [Hellbeck, Heller]. Круг участ-

ников автобиографического процесса, в число которых входит Фидлер, расширяется за счет посредников, собеседников, помощников, фасилитаторов, заказчиков и т. д.

Расширение затрагивает не только хореографию, но и сценографию автобиографических практик. На смену трактовке биографии как западной формы мышления и самосознания, вписанной в историю европейского индивидуализма [Burckhardt; Misch], пришло ее понимание как коммуникативного акта и позиции, занимаемой относительно религии, статуса, возраста, гендера, классовой принадлежности [Jancke].

Биограф собственного «я» неизбежно формулирует свою социальную принадлежность, а формы и модусы его / ее автобиографического высказывания различаются в разных социальных средах. В России начала XX в. развитие автобиографических практик, до этого приписываемых преимущественно дворянству и чиновничеству [Тартаковский], фиксируется в среде купечества и предпринимателей [Heller; Ul'janova], духовенства [Манчестер, Сдвижков] и крестьянства [Herzberg]. Особое распространение они получают среди людей литературных занятий по мере оформления профессиональной и культурной идентичности писателя [Сабурова, Родигина]. В истории Фидлера, обрусевшего немца, побуждающего русских литераторов к автобиографическим занятиям, разные пласты и контексты (авто)биографической культуры переплетаются.

Мы будем рассматривать это переплетение из перспективы инициирования, сбора, хранения и публикации (авто)биографических высказываний русских литераторов, получившей распространение в России с появлением новых публик и повышением символического статуса литературы [Рейтблат]. Вокруг рассказов писателей о себе, самосвидетельств, историй жизни и других автобиографических действий в литературоцентричной России формировалась уникальная (авто)биографическая культура, выдвигающая на авансцену коллекционеров эго-документов и ансамбли (авто)биографических материалов. Сборники и антологии – в том числе.

С изданиями, собирающими под одной обложкой профессионалов редакционно-издательского дела и следующими традиционной жанровой форме *curriculum vitae* [А.С. Суворину на память; Сотрудники «Русских ведомостей»; Языков], соседствовали символистские коллекции, превращающиеся в арены житнетворчества и эстетизации жизни [Мережковский; Венгерова; Волошин]. Одни составители сборников действовали в расчете на коммерческий успех и благодарность читателя, другие преследовали научные цели, видя в автобиографии метод изучения литературного творчества.

Эта практика переживала взлет в предреволюционное десятилетие. Под редакцией Ю.И. Айхенвальда выходят «Силуэты рус-

ских писателей», выдержанные в жанре литературного портрета [Айхенвальд]. Переиздается пользующийся популярностью у публики и красочно оформленный «Литературный календарь-альманах» журналиста О. Норвежского [Норвежский]. Публикуется «Книга о русских поэтах последнего десятилетия», подготовленная поэтом-символистом М. Гофманом [Гофман]. А.Н. Чеботаревская собирает автобиографические сведения у авторов, которые должны попасть в словарь «Краткие биографические данные русских писателей за последнее 25-летие русской литературы» [Собрание автобиографий]. Тяжеловес автобиографического коллекционирования С.А. Венгеров продолжает работу над масштабным «Критико-биографическим словарем русских писателей и ученых» [Венгеров], участвующим в формировании культурного канона, и готовит к публикации иллюстрированную «Русскую литературу XX века (1890–1910)», посвященную жизни и творчеству писателей-символистов [Русская литература].

Еще одной формой собирания автобиографических текстов были частные коллекции, сведения о которых через письма, анкеты, встречи и разговоры проникали в публичное пространство. Участвуя в пополнении таких коллекций, литераторы обретали видимость, создавали и подтверждали свою репутацию. Их вовлечение в автобиографический процесс оборачивалось конструированием и

актуализацией своего «я» в акте письма, совмещением позиции персонажа и автора, использованием литературного мастерства для шлифовки жизненного опыта и обогащения культуры самосознания.

В числе самых крупных и приметных (авто)биографических проектов предреволюционного десятилетия были коллекции С. Венгерова, А. Чеботаревской и героя этой статьи – Федора Фидлера.

Заметки к биографии

На рубеже веков Федор Федорович Фидлер слыл одним из самых авторитетных литературных коллекционеров и катализаторов автобиографического процесса. Чехов назвал его «лампадой перед иконою русской литературы» [Немирович-Данченко 1921], Бярятинский – «другом всех русских писателей» [Бярятинский], Чуковский употреблял словечко «фидлереть» для описания процесса коллекционирования [Чукоккала: 121]. В советское время о Фидлере не вспоминали, пока в уже 1970-х гг. филолог К.М. Азадовский не наткнулся на его дневник в архиве Пушкинского Дома [Азадовский; Фидлер].

Фридрих Людвиг Конрад Фидлер, в русифицированном обиходе Федор Федорович Фидлер, фигурирующий в литературном обиходе под прозвищем Триэф (Ф. Ф. Ф.), родился в Санкт-Петербурге 4 ноября 1859 г. по ст. ст. в семье поволжских немцев. Переводами русской поэзии на немецкий язык он

занимался с юности. В 19 лет учащийся петербургского реформаторского училища выпустил свой первый поэтический сборник. В литературную среду столицы он вошел в годы обучения на историко-филологическом факультете Петербургского университета, который окончил в 1884 г. Профессией Фидлера стали переводы и преподавание. Однако уникальную культурную нишу и репутацию ему обеспечило коллекционирование артефактов русского литературного быта.

Во время собраний литературных кружков, за будничными обедами и ужинами, в часы праздных посиделок в ресторанах и кабаках, в перерывах между партиями любимого им бильярда он активизировал (авто)биографические практики литераторов и лично участвовал в их расширении. Обращаясь к литераторам с просьбой рассказать историю из жизни, поучаствовать в коллективном фотоснимке или оставить в альбоме поэтический экспромт, он превращал литературные автобиографические занятия в речевую рутину и приметную культурной жизни рубежа веков.

За Фидлером закрепилась репутация чуткого и щедрого человека. Современники отзывались о нем как о талантливом переводчике, педагоге и популярном лекторе. Его фанатичное стремление к фиксации каждой детали, мысли, вещи, относящейся к литераторам, объясняли сплавом немецкой педантичности и любви к русской литературе.

Одних эта страсть удивляла, других – пугала. Кто-то считал ее чудачеством. Человек, к которому он рвался в три ночи, дабы спасти коллекцию писем, от которой владелец собирался избавиться, находил, что «Фидлер совсем спятил» [Немирович-Данченко: 100]. Чтобы заполучить автограф писателя Страхова, Фидлер выдумал несуществующего приятеля-переводчика Зигера, используя эту воображаемую фигуру для коммуникации с литератором [Фидлер: 174]. Комментируя «шутливо-лживую игру», затеянную исключительно с целью заполучить хотя бы самую короткую надпись, сделанную рукою литератора, чей автограф отсутствовал в коллекции, собиратель русских писателей назвал себя «литературным психопатом» [Там же].

Все свои силы, время и скромные средства Фидлер направлял на расширение поля русской литературы. Он был ключевым переводчиком русской поэзии на немецкий язык; вел подробный дневник-хронику повседневной жизни русских писателей; основал первый в Российской империи частный литературный музей, открыв его в своей петербургской квартире. Фидлер создавал литературную сеть, делал ее видимой, занимался ее архивацией и выступал оператором литературного процесса.

Переводчик

Личная история литературного коллекционирования началась с переводческой дея-

тельности, сделавшей Фидлера незаменимым в писательских кругах. В 1889 г., через пять лет после завершения университетского курса, он передал в немецкое издательство поэтический сборник «Русский Парнас» (“Der russische Parnass”), составленный из переводов 58 авторов и дополненный биографическими статьями. Текст знакомил европейскую публику с актуальным состоянием русской литературы и ее наследием. Успех издания стимулировал литераторов, увидевших, как биографическая заметка изменяет степень их видимости и конвертируется в репутацию [Дубин], к (авто)биографическому сотрудничеству с Фидлером.

Первый опыт собирания русской литературы стал модельным для переводчика и составителя антологии: принципами, выработанными при подготовке «Русского Парнаса», он руководствовался из проекта в проект. Отказываясь следовать сложившимся иерархиям и воспроизводить их, Фидлер демонстрировал демократичность, эклектичность и волюнтаризм, отбирая сочинения и биографии писателей разного уровня признания и таланта. С классиками (Державиным, Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым) в антологии соседствовали подзабытые литераторы (Кукольник, Мерзляков, Красов) и современники. Писатель П.И. Вейнберг нашел книгу, составленную таким образом, несбалансированной, а потому неудачной [Фидлер: 59]. Работая в 1904 г. над вторым изданием «Парнаса», соста-

витель пошел еще дальше в сокращении дистанции до России – он дал немецкоязычным читателям фамилии русских литераторов с расставленными ударениями [Там же: 374].

Во взаимодействии с Фидлером писатели видели ресурс и способ решения литературно-издательских проблем. Они желали, чтобы он их переводил, охотно предоставляли (авто)биографические сведения, рассчитывали привлечь внимание публики и получить второй шанс для сочинений, которые не пропустила цензура, проигнорировал читатель или разнесла в пух и прах критика. Так, позабытый литературный критик и поэт С.А. Андреевский просил о переводе своих сочинений, которые Фидлер считал «рассудочными и скучными», но «приличия ради» перевел [Там же: 40]. Литератор Н.Н. Златовратский принес Фидлеру на перевод повесть, которую не пропускала цензура. Д.С. Мережковский, работая над «Юлианом Отступником», предвидел многочисленные цензурные изъятия. Поэтому он обращался к переводчику, обладающему большим «сетевым капиталом», за помощью в сохранении целостности текста. Обеспечить ее можно было посредством перевода и издания антиклерикального исторического романа в Европе: «Вы сами не переводите прозу, знаю; но у Вас хорошие отношения с зарубежными писателями и издателями» [Там же: 121].

В планах у Фидлера было издание антологии переводов современных русских поэтов,

а в 1907 г. он перевел на немецкий русских поэтов и подготовил для этого сборника биографические статьи (“Russische Dichterinnen”, 1907) [Там же: 509].

Несколько лет он работал над амбициозной, но так и не опубликованной антологией «Русские поэты с древнейших времен до настоящего времени» (“Russische Lyriker von den ältesten Zeiten bis zur jüngsten Gegenwart”), в которой планировал представить 257 русских поэтов [Pohrt: 711]. Как это бывало у Фидлера, в сборник попали литераторы разного масштаба и литературных идеологий. 8 августа 1911 г. коллекционер с горечью констатировал: «Труд моей жизни никто в Германии не хочет издавать (притом, что я, разумеется, ни копейки не требую в качестве гонорара)» [Фидлер 2008: 561]. Невостребованность он объяснял тем, что литераторы выходят из моды и больше «не пользуются спросами», ссылаясь на продавцов открыток: взамен писателей они начали предлагать карточки с изображениями актеров и музыкантов. Деятельность Фидлера, таким образом, хоть и не предполагала коммерческой выгоды, следовала за культурной конъюнктурой и поддерживала ее.

Архивариус в литературном музее

Первый в России частный литературный музей был открыт в петербургской квартире Фидлера на улице Николаевской (сейчас Марата), 67, став местом встречи литерато-

ров, художников, профессоров, критиков. Четырехкомнатная квартира была забита документами и артефактами, имеющими отношение к жизни русских писателей. Как полагает А. Бут, любой литературный музей рассказывает биографию через вещи и использует нарративные шаблоны биографии для расстановки артефактов [Booth]. Это можно сказать и об инициативе Фидлера, которую отличали интерес к множественной биографии российских литераторов, акцент на автобиографических артефактах и вовлечение писателей в пополнение коллекции.

Минимальная форма авторизованного письменного присутствия – автограф – была основой этой литературной коллекции. Квартиру заполняли ящики, витрины, шкафы с тематическими альбомами для автографов, которыми славился Фидлер. Альбомы имелись на все случаи жизни: «В гостях», «В ресторане», «За границей», «В пути», «Со мной», «Товарищеские обеды», «Поминки» и т. д. Отправляясь в ресторан или на товарищеский обед, Фидлер брал с собой подходящий к случаю альбом. Используя минимальные ресурсы – тематизацию и удостоверенную надпись – он размечал, картировал и архивировал жизнь писателей. Литераторы, навещавшие его в квартире-музее на Никольской, расписывались в специальном музейном альбоме, указывая дату посещения «выставки» [Азадовский].

Автографы литераторов и зарисовки, сделанные в тематических альбомах самим коллекционером, выступающим в амплу репортера, этнографа и бытописателя, были визитной карточкой Фидлера. Но в музейных шкафах хранились (авто)биографические материалы разных жанров: дневники, воспоминания, собственно автобиографии, письма. Часть материалов была документацией живого присутствия литераторов в речи – анекдотами, афоризмами, поэтическими экспромтами, брошенными на ходу фразами.

Вероятно, Фидлер был первым, кто начал собирать литературные артефакты, превращая их в реликвии. Стены квартиры были увешаны портретами писателей [Городецкий]. Классики (Некрасов, Тургенев, Достоевский) здесь соседствовали с современниками, помещение которых в этот литературный пантеон само по себе было серьезным актом литературного признания. Так, писательница И. Гриневская благодарила Фидлера за то, что, поместив ее «фотографию среди изумительной коллекции портретов (с автографами) знаменитостей, он закрепил ходившее... мнение» [Гриневская: 247]. С портретами соседствовали бюсты и шаржи [Немирович-Данченко].

Интерес к любым артефактам, материализациям и курьезам русской литературной жизни делал Фидлера эксцентричным собирателем, а его коллекцию – экстраординар-

ным собранием. Здесь можно было найти предметы гардероба писателей, их домашнюю посуду и даже окурки, оставленные гостями. С его подачи любая безделица из повседневного обихода литератора становилась экспонатом, материализацией самой жизни, вписанной в биографию.

Обретая известность, музей притягивал экспонаты. Литераторы сами несли Фидлеру рукописи, последние анекдоты и пуговицы от исподнего. Говорят, Мамин-Сибиряк, подтрунивая над чудачествами приятеля-коллекционера, как-то преподнес волоски из ушей и ноздрей, «собственноручно вырванные в дар музею Федора Фидлера» [Ходотов: 207]. Экспонирование автобиографических текстов и авторизованных артефактов, собираемых при активном участии самих литераторов, превращало музей Фидлера в динамичный экран русской литературной жизни. Выставление части коллекционных материалов в пространстве домашнего музея журналисты называли «выставками».

Призывом к автобиографическому архивированию особого рода был день рождения Триэфа, с 1890 г. отмечавшийся в его музейной квартире как заметное событие в литературной жизни столицы. За общим столом собирались именитые литераторы, беллетристы, журналисты, профессора, учителя и даже гипнотизеры. Дарили, стирая границы между историей жизни и историей литературы, частным и публичным, преимущественно

автобиографические материалы. Обозревая приобретения 1912 г., именинник писал:

«Я получил в подарок сотни писательских писем, множество книжек с автографами и немало портретов. В обморок я не рухнул лишь потому, что дважды принял лекарство, укрепляющее силы» [Фидлер 2008: 595].

Владелец столь значительной коллекции располагал скромными средствами к существованию. Главным источником его заработка оставалось преподавание. Издание поэтических антологий и перевод дохода не приносили. Пополнение коллекции и издание рукописей требовали расходов, а финансовую помощь друзей-литераторов он отвергал, как и советы о продаже (части) коллекции:

«Он (Потапенко) упрекал меня в непрактичности: по его словам, я не в состоянии извлечь материальную выгоду из моего архива. Считает, что я должен даже продать мой “музей”. “Чтобы купить себе золотую цепь и удавиться?” — спросил я...» [Фидлер: 664].

Оставаясь глубоко личным проектом, литературный музей Фидлера не получил институциональной поддержки и не вышел за пределы квартиры. В.И. Немирович-Данченко объяснял этот исход системными изъянами российской культурной политики и общественной жизни, участники которой не

в состоянии определить символическое значение гражданской инициативы и создать поддерживающую среду для успешной и долгосрочной реализации культурного проекта:

«В целом мире не было другой такой коллекции – и, разумеется, живи Триэф не в России – он бы сделался настоящей знаменитостью среди коллекционеров. Его музей посещался бы тысячами людей, город или академия отвели ему бы громадные залы... Но, увы, наш общий друг имел злополучие родиться и работать, чего греха таить, в варварской России» [Немирович-Данченко: 99].

В конце жизни коллекционер планировал передать свое собрание Императорской публичной библиотеке в Петербурге, а в случае отказа – Королевской библиотеке в Берлине. Однако Первая мировая война и русские революции разрушили эти планы. По имеющимся на сегодня сведениям, большая часть коллекции Фидлера утеряна. Меньшая часть, включая дневники, находятся на хранении в Пушкинском Доме (ИРЛИ РАН) и в Российском архиве литературы и искусства (РГАЛИ).

Хроникер-летописец

Фидлер регулировал режим доступа к своей коллекции. Журналист, посетивший в 1910 г. выставку материалов в музее-квартире, заметил наличие в собрании Фидлера писем и пакетов с пометкой «Вскрыть после моей смерти» [Дорошевич]. И все же главным до-

кументом, содержание которого хранилось в тайне, был дневник. В течение 30 лет Фидлер заносил в него хронику литературной жизни столицы и описывал ее закулисы на основе личных наблюдений, разговоров с писателями, зарисовок, литературных репортажей, слухов, мнений, оценок. Это была кропотливая работа письма.

Автор дневника фиксировал информацию без разбора, чтобы собрать все. Его волновало количество выпитого, съеденного и уплаченного литераторами, наличие у них любовниц, долгов и душевных недугов, форма стрижки и состояние ботинок. Любой из встреченных им писателей удостаивался хотя бы строчки: коллекционер фиксировал и музеефицировал следы его быта и творчества, создавая в акте письма ткань русской литературной жизни.

Сведения, содержащиеся в дневнике, часто были потенциально компрометирующими, а работа Фидлера – далекой от увековечивания социального и нравственного образца. Привычки, особенности характера, детали внешности и того, что позднее назовут литературным бытом, волновали Фидлера больше, чем эстетика и поэтика литературных сочинений: «Целые главы – интимной жизни, где наш мирок выступал так выпукло и красочно, как ни в одной монографии» [Немирович-Данченко: 121].

Дневник не был опубликован при жизни Фидлера. И все же автор надеялся, что чита-

тель сможет ознакомиться с записями после его смерти (и, надо думать, смерти тех, кто фигурировал на страницах дневника). Он собирал эти сведения, рассчитывая, что жизнь писателя, рассмотренная под микроскопом, имеет культурную ценность, а ее фиксация является вкладом в мировую словесность [Фидлер: 219]. Архивируя фрагменты жизни, Фидлер эту ценность создавал.

Заказчик (авто)биографий

Одним из главных экспозиционных (авто)биографических проектов Фидлера, реализованным в конце 1900-х – начале 1910-х гг., т. е. на пике его литературной славы, была подготовка и публикация сборника «Первые литературные шаги». Составитель полагал, что жизнь писателя – это путь к мечте, на котором одаренная натура сталкивается со множеством трудностей и препятствий, а потому нуждается в поддержке. Сборник задумывался ради ободрения молодых литераторов и стал вехой в развитии практик (авто)биографического письма в России. Давая оценку «Первым литературным шагам», Леонид Андреев сказал составителю: «Хорошая и полезная книга. В ней много сознательной и бессознательной лжи и рисовки, также и с моей стороны, но публике это надо» [Фидлер: 554].

Необычное издание, в котором не было ни критических заметок, ни литературных сочинений, ни иллюстраций, состояло из автобиографий современных русских литера-

торов: автобиография здесь уже не была дополнением к художественным сочинениям, а обрела ценность сама по себе.

Историями своей жизни, подготовленными по заказу составителя, поделились 54 автора, из них 46 писателей (Л.Н. Андреев, А.А. Блок, И.И. Ясинский, С.Д. Дрожжин, М.А. Волошин и т. д.) и 8 писательниц (Н.А. Тэффи, И.А. Гриневская и т. д.). Тут были и властители дум – символисты, и популярные беллетристы с детскими писателями, и даже дебютанты. Как и другие проекты Фидлера, сборник не был коммерческим предприятием: доход от продажи направлялся в пользу Литературного фонда, поддерживающего журналистов, литераторов, ученых, попавших в затруднительное материальное положение.

Литераторы отвечали на заготовленную Фидлером анкету из 25 вопросов. Среди них были вопросы о передаче (прямой или атактической) писательского дара по наследству, любви к литературе и степени начитанности родителей (№ 1), мытарствах по редакциям (№ 9), первом гонораре (№ 18), нравственной (не)удовлетворенности автора при публикации первого произведения (№ 23). В предисловии составитель настаивал на том, что предоставил писателям свободу: ведь он предложил выбрать форму, стиль и объем текста на свое усмотрение, не вмешивался в редактуру, ничего не добавлял и не вычеркивал, «оставляя все, как есть».

При этом 20 автобиографий из 54 воспроизвели формуляр ответов на анкету – излагались по пунктам с прочерками напротив вопросов, оставленных без внимания. 29 авторов начали свою историю с рассказа о семье, следуя направлению, задаваемому анкетой. Остальные сосредоточились на «литературном рождении». Участники сборника могли опровергать тезис о наследовании «писательского дара», но при этом обсуждать и отмечать любовь родителей к литературе, их литературный вкус и «интеллигентное бытие» (Анненский) как одно из условий литературных занятий [Анненский: 171]. Тогда как выходцы из наименее образованных слоев – например, сын мелкого торговца – называли себя *tabula rasa* [Петров: 22].

Структурирующее влияние анкеты Фидлера мы обнаруживаем не только в воспроизводстве формуляра или построении литературных автобиографий в соответствии с заданными темами, но и в тезаурусе, который писатели используют для описания своей жизни в литературе. Вслед за Фидлером и вместе с ним они говорят о «любви к литературе», «таланте», «писательском даре», «попытках», «авторитетах», «влиянии», «мытарствах», «цензурных препятствиях», «критических отзывах», «судьбе» и «борьбе».

Рассказывая о своем опыте, писатели и откликались на автобиографический импульс в культурной жизни рубежа веков, и усиливали его, сообщая характерные подробности

и детали вхождения в литературу: Блок упоминал анекдотичный эпизод из юности [Блок: 85], Авенариус живописал страх перед редакторами [Авенариус: 16], Петров рассказывал о роли гимназических сочинений в его обращении к литературе [Петров 1911: 23].

В качестве косвенного индикатора вовлеченности авторов в проект и полноты отклика на запрос Фидлера мы рассматриваем объем автобиографий и манеру их составления. Самые краткие и формальные автобиографии прислали опытные авторы с репутацией и положением в обществе (Черниговец-Вишневский, Бунин, Ремизов). Тогда как самые подробные, выходящие за пределы опросника, разрастающиеся до 15–20 страниц тексты принадлежат перу женщин (Гриневская, Гуревич) и выходцам из нелитературных сред – писателю крестьянского происхождения Дрожжину и казаку Косоротову, использующим приглашение Фидлера как возможность заявить свои права на литературные занятия.

Разновидность рассказа о себе, который инициирован другими лицами, сообществами или институтами, Патриция Деотто называет «автобиографией по заказу» [Deotto]. Составляя анкету, охватывающую разные аспекты карьеры литератора на ранних этапах, Фидлер выступал не только заказчиком, но и предтечей будущего социолога литературы.

Фокусируясь не столько на заказе, сколько на его последствиях для автобиографической формы, мы отмечаем размывание

границ между вкладом разных участников (авто)биографического процесса, совместно создающих интерперсональные литературные артефакты. Фиксировать их переходное состояние мы предлагаем с помощью аналитически модифицированного термина (авто)биография. Рассказы литераторов о своем приходе в профессию, написанные по просьбе составителя сборника и с опорой на интересующие его вопросы, равно как и другие материалы, созданные писателями при катализирующем и фасилитирующем участии Фидлера, были (авто)биографическими.

Курирующий коллекционер

Так кем же был Фидлер? Современники называли его коллекционером. Однако это амплуа не в полной мере характеризует его разнообразную деятельность по переводу, документации, архивации, экспонированию, изучению, активации и связыванию миров русской литературы. Фидлер не только собирал уникальную коллекцию и заботился о ней, но и содействовал формированию символической ценности (авто)биографического жеста русского литератора и детали писательской жизни, инициировал и развивал (авто)биографические практики, создавая ситуации, побуждающие писателей говорить о себе с использованием разных культурных форматов.

Есть все основания полагать, что Фидлером двигала вовсе не страсть к накоплению и

собирачеству. Он не питал интереса к прошлому и старинным вещам. Не отождествлял свою деятельность коллекционера с научными занятиями, хоть и преподавал в университете. Остается только гадать о том, в какой степени он компенсировал свое положение в обществе через объекты коллекционирования [Бодрийяр: 95], но, несомненно, он его создавал с помощью коллекции. Не исключено, что нетипичный коллекционер и странный переводчик, выходящий в своей деятельности за пределы заданных культурных амплуа, был куратором задолго до оформления кураторства в качестве профессиональной и культурно отрефлексированной практики.

Дмитрий Галкин и другие авторы тематического номера «Художественного журнала», посвященного коллекционированию, отмечают, что в условиях позднего капитализма коллекционер превращается в социальный хаб, а его позиция сближается с позицией куратора [Галкин: 11]. Собирая множество артефактов и руководствуясь идейными (художественными) соображениями, оба совершают отбор, демонстрируют коллекцию и рассказывают ее историю, добавляя ей ценность и смысл. Опережая время, Фидлер действует на территории русской литературы как курирующий коллекционер и коллекционирующий куратор.

Виктор Мизиано говорит об особой ответственности куратора и его участии в ле-

гитимации материальных объектов в качестве предметов искусства [Мизиано]. Тогда как предметом интереса и мишенью кураторства Фидлера были не сами художественные тексты, ценность которых следовало подтвердить или сформировать, а метатексты особого рода – (авто)биографические расширения, дополнения и материализации литературной жизни. В качестве рабочего пространства экспонирования он использовал не только стены и стеллажи квартиры-музея, но и страницы сборников. Фундаментальная связь с письмом и (авто)биографическими практиками была отличительной особенностью кураторской работы Фидлера. Он или побуждал литераторов на письме высказываться о себе и своей литературной жизни, или же записывал за ними в дневник, содействуя усилению и расширению письменного «я» в литературной России.

Э. Бадик, Дж. Дракер и их соавторы по экспериментальному учебнику “Digital_Humanities” связывают в один узел старинные практики коллекционирования, курирование в датифицированных средах и судьбы гуманитарного знания, вырастающего из составления коллекций, списков, каталогов и комментариев [Burdick, Drucker et al.: 32]. Выдвигая на культурную авансцену куратора, отбирающего, komponующего, систематизирующего и организующего множества объектов, существующих в потоке, они делают эту позицию и видимой, и значимой.

В ходе работы над статьей мы обнаружили след курирования задолго до кураторских поворотов 1960-х, 1990-х, 2000-х гг. (Авто)биографическое кураторство Фидлера было описано как метапозиция, занимаемая энтузиастом-гуманитарием в отношении культурных ампула переводчика, архивариуса, хроникера, редактора-составителя, биографа и коллекционера.

(Авто)биографические ритуалы, множества, арены, создаваемые и поддерживаемые Фидлером, способствовали тому, что в начале XX века писатели вели непрерывные разговоры о себе, формируя поле русской литературы в ходе укрепления письменного «я» литератора.

Литература

А.С. Суворину на память от сотрудников газеты «Новое время» 28 февраля 1886 года. Альбом автобиографий. СПб., 1886.

Авенариус, В.П. Автобиография // Первые литературные шаги (Автобиографии современных русских писателей). М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 12–18.

Азадовский, К.М. Рыцарь русской литературы // Всемирное слово. 2003. № 16. С. 23–38.

Анненский, И.О. Автобиография // Первые литературные шаги (Автобиографии современных русских писателей). М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 171–178.

Айхенвальд, Ю.А. Силуэты русских писателей: с портретами. М.: Издание «Научного слова», 1908.

Барятинский, В. «Пятницы Полонского» и «Пятницы Случевского»: Из серии воспоминаний «Догоревшие огни» // Воспоминания о серебряном веке. М.: Республика, 1993. С. 295–299.

Блок, А.А. Автобиография // Первые литературные шаги (Автобиографии современных русских писателей). М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 83–88.

Бодрийяр, Ж. Система вещей / пер. с франц. С.Н. Зенкина. М.: Рудомино, 2001.

Венгеров, С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Соч. В 6 тт. СПб.: Семен. типо-лит. (И. Ефрона), 1889–1904.

Венгерова, З.С. Литературные характеристики. Соч. В 3 тт. СПб.: А.Е. Винеке. 1897–1910.

Волошин, М. Лики творчества. СПб.: Издание Аполлона, 1914.

Галкин Д. Коллекция: культурная магия последней вещи // Художественный журнал. 2022. № 122. С. 6–16.

Городецкий С. Три венка // Кавказское слово (Тифлис). 2 июля 1917. № 145.

Гофман, М.Л. Книга о русских поэтах последнего десятилетия: Критические очерки Валерия Брюсова, Модеста Гофмана, Б. Дикса и др. СПб., М.: Вольф, 1909.

Гринеvская, И.А. Автобиография. // Фидлер, Ф.Ф. Первые литературные шаги. (Автобиографии современных русских писателей).

М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 243–264.

Дорошевич, В. М. К писательской выставке (От нашего корреспондента) // Раннее утро. 1910. № 201.

Дубин, Б.В. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 98–119.

Иллиес, Ф. Рихард Демель. Главная фигура 1913 года в Гамбурге // Иллиес Ф. А только что небо было голубое: тексты об искусстве / пер. с нем. В. Серова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. С. 163–168.

Манчестер, Л., Сдвижков, Д. (сост.). Вера и личность в меняющемся обществе: Автобиография и православие в России конца XVII – начале XX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Мережковский, Д.С. Вечные спутники: портреты из мировой литературы. СПб.: П.П. Перцов, 1897.

Мизиано, В. Пять лекций о кураторстве. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.

Немирович-Данченко, В.И. Памятка о неугасимой лампаде. (Ф.Ф. Фидлер) // На кладбищах (Воспоминания). Ревель: Библиофил, 1921.

Норвежский, О. Литературный календарь-альманах. СПб.: Типография Вайсберга и Гершунина, 1908–1909.

Петров, Г.С. Автобиография // Первые литературные шаги (Автобиографии современных русских писателей). М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1911. С. 18–27.

Рейтблат, А.И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Русская литература XX века (1890–1910) / под ред. С. А. Венгерова. В 3 тт. М.: Издание товарищества «Мир», 1914–1918.

Сабурова, Т.А., Родигина, Н.Н. «Первые люди в России»: Словная и профессиональная идентичность в мемуарно-автобиографической прозе русских литераторов XIX века // Вестник Омского Университета. 2015. № 1. С. 152–155.

Собрание автобиографий Анастасии Чеботаревской // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 411–453.

Сотрудники «Русских ведомостей» 1863–1913 // Русские ведомости: сб. статей. М.: Типография «Рус. ведомостей», 1913.

Тартаковский, А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М.: Археографический центр, 1997.

Фидлер, Ф.Ф. Из мира литераторов: Характеристики и суждения. / перевод, указатель и примеч. К.М. Азадовского. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

Ходотов, Н.Н. Близкое – далекое. Л.-М.: Искусство, 1962.

Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М.: Премьера, 1999.

Языков, Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Вып. 1–6. СПб.: Типография А.С. Суворина. 1885–1890.

Booth, A. (2012). Houses and Things. Literary House Museums as Collective Biography. *Museums and Biographies: Stories, Objects, Identities*. Woodbridge: The Boydell Press, 231–246.

Burckhardt, J. (1860). Die Cultur der Renaissance in Italien. Basel: Schweighauser'schen Verlagsbuchhandlung.

Burdick, A., Drucker, J., Lunenfeld, P., Presner, T., & Schnapp, J. (2016). *Digital Humanities*. Cambridge (Massachusetts); London: MIT Press.

Deotto, P. (2012). L'autobiografia su commissione: definizione e limiti di un genere. *AvtobiografiЯ*, 1, 49–59.

Depkat, V. (2003). Autobiographie und die soziale Konstruktion von Wirklichkeit. *Geschichte und Gesellschaft*, Vol. 29. No. 3, 441–476.

Heller, K. (2004). Selbstzeugnisse aus dem Moskau der Kaufleute vor 1917 und ihre Interpretation. *Autobiographical Practices in Russia*. Göttingen: V&R unipress.

Hellbeck, J., Heller, K. (Eds.) (2004). *Autobiographical Practices in Russia / Autobiographische Praktiken in Russland*. Göttingen: V&R unipress.

Herzberg, J. (2013). Gegenarchive. Bäuerliche Autobiographik zwischen Zarenreich und Sowjetunion. Bielefeld: transcript.

Jancke, G. (2002). Autobiographie als soziale Praxis. Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen

des 15. und 16. Jahrhunderts im deutschsprachigen Raum. Köln: Böhlau.

Jancke, G., Ulbrich C. (Hg.). (2005). *Vom Individuum zur Person. Neue Konzepte im Spannungsfeld von Autobiographietheorie und Selbstzeugnisforschung*. Göttingen: Wallstein Verlag.

Miller, N., Morgan, D. (1993). Called to account: the CV as an autobiographical practice. *Sociology*, 27 (1), 133–143.

Misch, G. (1907). *Geschichte der Autobiographie*. Leipzig: Teubner.

Pohrt, H. (1970). Friedrich Fiedler und die russische Literatur. *Zeitschrift für Slawistik*, Bd. 15, 694–718.

Šlibar, N. (1995). Biographie, Autobiographie – Annäherungen, Abgrenzungen. In Holdenried M. (Hg.), *Geschriebenes Leben. Autobiographik von Frauen*. Berlin: Schmidt, 390–401.

Smith, S. (1995). Performativity, Autobiographical Practice, Resistance. *Auto/Biography Studies. Vol. 10. Issue 1: Terms of Identity: Essays on the Theoretical Terminology of Life-writing*. 17–33.

Stanley, L. (2004). The Epistolarium: On Theorizing Letters and Correspondences. *Auto/Biography*, 12 (3), 201–235.

Ul'janova, G. (2004) Autobiographische Texte russischer Kaufleute und ihre kulturelle Dimension. In Hellbeck, J., Heller, K. (Eds.), *Autobiographical Practices in Russia*. Gottingen: V&R unipress. 155–179.

References

A.S. Suvorinu na pamyat' ot sotrudnikov gazety "Novoe vremja" 28 fevralya 1886 goda. *Al'bom avtobiografij* (1886). [To A.S. Suvorin from employees of Paper "Novoe vremja" for a memory on February 28, 1886. Album of autobiographies]. Saint-Petersburg.

Anneskij, I.O. (1911). Autobiography. In F.F. Fidler (ed.). *Pervye literaturnye shagi (Avtobiografii sovremennykh russkikh pisatelei)* [First literary steps. (Autobiographies of modern Russian writers)], 171–178. Moscow: Printing house of the I.D. Sytin partnership.

Avenarius, V.P. (1911). Autobiography. In F.F. Fidler (ed.). *Pervye literaturnye shagi (Avtobiografii sovremennykh russkikh pisatelei)* [First literary steps. (Autobiographies of modern Russian writers)], 12–18. Moscow: Printing house of the I.D. Sytin partnership.

Aykhenval'd, Yu.A. (1908). *Siluety russkikh pisateley: s portretami* [Silhouettes of Russian writers: with portraits]. Moscow: Izdaniye "Nauchnogo slova".

Azadovskiy, K.M. (2003). Rytsar' russkoy literatury. [Knight of Russian literature]. *Vsemirnoye slovo*, 16, 23–38.

Baryatinskiy, V. (1993). "Pyatnitsy Polonskogo" i "Pyatnitsy Sluchevskogo": Iz serii vospominaniy "Dogorevshiyе ogni" ["Fridays of Polonsky" and "Fridays of Sluchevsky": From the series of memoirs "Dogorevshiyе ogni"]. In *Vospominaniya o serebryanom veke* [Memories of the Silver Age]. Moscow: Respublika, 295–299.

Baudrillard, J. (2001). *Le Système des objets* [The System of Objects] (S. Zenkin, Trans). Moscow: Rudomino.

Blok, A.A. (1911). Autobiography. In F.F. Fidler (ed.). *Pervye literaturnye shagi (Avtobiografii sovremennykh russkikh pisatelei)* [First literary steps. (Autobiographies of modern Russian writers)], 83–88. Moscow: Printing house of the I.D. Sytin partnership.

Booth, A. (2012). Houses and Things. Literary House Museums as Collective Biography. *Museums and Biographies: Stories, Objects, Identities*. Woodbridge: The Boydell Press, 231–246.

Burckhardt, J. (1860). *Die Cultur der Renaissance in Italien* [The culture of the Renaissance in Italy]. Basel: Schweighauser'schen Verlagsbuchhandlung.

Burdick, A., Drucker, J., Lunenfeld, P., Presner, T., & Schnapp, J. (2016). *Digital Humanities*. Cambridge (Massachusetts); London: MIT Press.

Chukokkala: rukopisnyj almanah Korneya Chukovskogo (1999) [Hand-written Almanac by Korney Chukovsky]. Moscow: Premiera.

Deotto, P. (2012). L'autobiografia su commissione: definizione e limiti di un genere. [Commissioned Autobiography: Definition and Limits of a Literary Genre]. *Avtobiografiya*, 1, 49–59.

Depkat, V. (2003). Autobiographie und die soziale Konstruktion von Wirklichkeit [Autobiography and the social construction of reality]. *Geschichte und Gesellschaft* [History and society], 3, 441–476.

Doroshevich, V.M. (1910) K pisatel'skoj vystavke (Ot nashego korrespondenta) [To writer's

exhibition (from our correspondent)]. *Ranee utro* [Early morning]. № 201.

Dubin, B.V. (2001). Biografiya, reputaciya, anketata (O formah integracii opyta v pis'mennoj kul'ture) [Biography, reputation, profile (On the forms of integration of experience in written culture)] *Slovo — pis'mo — literatura: Ocherki po sociologii sovremennoj kul'tury* [Word – writing – literature: Essays on the sociology of modern culture]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 98–119.

Fidler, F.F. (2008). Iz mira literatorov: Kharaktery i suzhdeniya. / perevod, ukazatel' i primech. K.M. Azadovskogo. [From the world of writers: Characters and judgments]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Fidler F.F. (ed.). (1911). *Pervye literaturnye shagi (Avtobiografii sovremennykh russkikh pisatelei)* [First literary steps. (Autobiographies of modern Russian writers)]. Moscow: Printing house of the I.D. Sytin partnership.

Galkin, D. (2022). Kollekcija: kul'turnaya magiya poslednej veshchi [Collection: cultural magic of the last thing]. *Hudozhestvennyj zhurnal* [Art Journal], 122, 6–16.

Gofman, M.L. (1909). *Kniga o russkikh poetakh poslednego desyatiletija: Kriticheskie ocherki Valerija Bryusova, Modesta Hofmana, B. Diksa i dr.* [A book about Russian poets of the last decade: Critical Essays by Valery Bryusov, Modest Hofman, B. Dix, etc.]. Saint-Petersburg; Moscow: Wolf.

Gorodeckij, S. (2 July 1917). Tri venka [Three wreaths]. *Kavkazskoe slovo*. [Caucasian word]. Tiflis, 145.

Grinevskaya, I.A. (1911). *Autobiography*. In F.F. Fidler (ed.). *Pervye literaturnye shagi (Avtobiografii sovremennykh russkikh pisatelei)* [First literary steps. (Autobiographies of modern Russian writers)]. Moscow: Printing house of the I.D. Sytin partnership, 243–264.

Hellbeck, J., Heller, K. (Eds.), (2004). *Autobiographical Practices in Russia / Autobiographische Praktiken in Russland*. Göttingen: V&R unipress.

Heller, K. (2004) *Selbstzeugnisse aus dem «Moskau der Kaufleute» vor 1917 und ihre Interpretationen*. In J. Hellbeck, K. Heller (Eds.), (2004). *Autobiographical Practices in Russia / Autobiographische Praktiken in Russland*. Göttingen: V&R unipress. 127–155.

Herzberg, J. (2013). *Gegenarchive. Bäuerliche Autobiographik zwischen Zarenreich und Sowjetunion* [Counter-archives. Peasant autobiography between the Tsarist Empire and the Soviet Union]. Bielefeld: Transcript.

Illies, F. (2019). *Rihard Demel. Glavnaya figura 1913 goda v Gamburgu* [The main figure of 1913 in Hamburg]. In F. Illies. *A tol' ko chto nebo bylo goluboe: teksty ob iskusstve* [Just now the sky was blue: Texts about art]. Moscow: Ad Marginem Press, 163–168.

Jancke, G. (2002). *Autobiographie als soziale Praxis. Beziehungskonzepte in Selbstzeugnissen des 15. und 16. Jahrhunderts im deutschsprachigen Raum* [Autobiography as social practice. Relationship concepts in self-testimonies of the 15th and 16th centuries in German-speaking countries]. Köln: Böhlau.

Jancke G., Ulbrich C. (Hg.). (2005). *Vom Individuum zur Person. Neue Konzepte im Spannungsfeld von Autobiographietheorie und Selbstzeugnisforschung* [From the individual to the person. New concepts in the field of tension between autobiography theory and self-testimony research]. Göttingen: Wallstein Verlag.

Khodotov, N.N. (1962). *Blizkoye – dalekoye* [Near and far] Leningrad, Moscow: Iskusstvo.

Manchester, L., Sdvizhkov, D. (Eds.). (2019). *Vera i lichnost' v menyayushchemsya obshchestve: Avtobiografika i pravoslavie v Rossii konca XVII – nachale XX veka* [Faith and Selfhood in a Changing Society: Autobiography and Orthodoxy in Russia from the End of the Seventeenth to the Beginning of the Twentieth Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Merezhkovskiy, D.S. (1897). *Vechnyye sputniki: portrety iz mirovoy literatury* [Eternal companions: portraits from world literature]. Saint-Petersburg: P.P. Pertsov.

Miller, N., Morgan, D. (1993). *Called to account: the CV as an autobiographical practice*. *Sociology*, 27 (1), 133–143.

Misch, G. (1907). *Geschichte der Autobiographie* [The history of autobiography]. Leipzig: Teubner.

Miziano, V. (2015). *Pyat' lekcij o kuratorstve* [Five lectures about curating]. Moscow: Ad Marginem Press.

Nemirovich-Danchenko, V.I. (1921). *Pamyatka o neugasimoy lampade*. (F. F. Fidler) [Reminder about the unquenchable lamp]. *Na kladbish-*

chah. (Vospominaniya) [In cemeteries. (Memories)]. Revel': Bibliophil.

Norvezhskiy, O. (1908–1909). Literaturny kalendar' al'manakh [Literary calendar-almanac]. Saint-Petersburg: Weisberg & Gershunin Printing House.

Petrov, G.S. (1911). Autobiography. In F.F. Fidler (ed.). Pervye literaturnye shagi (Avtobiografii sovremennykh russkikh pisatelei) [First literary steps. (Autobiographies of modern Russian writers)]. Moscow: Printing house of the I.D. Sytin partnership, 18–27.

Rejtblat, A.I. (2014). Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sociologii i istorii literatury [Writing across: Articles of biography, sociology and history of literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Pohrt, H. (1970). Friedrich Fiedler und die russische Literatur [Friedrich Fiedler and Russian literature]. *Zeitschrift für Slawistik* [Journal of Slavic Studies] 15, 694–718.

Saburova, T.A., Rodigina, N.N. (2015). "Pervye lyudi v Rossii": Soslovnaya i professional'naya identichnost' v memuarно-avtobiograficheskoy proze russkikh literatorov XIX veka [The first people in Russia": Class and professional identity in the memoir-autobiographical prose of Russian writers of the twentieth century]. *Vestnik Omskogo Universiteta* [Herald of Omsk University], 1, 52–155.

Šlibar, N. (1995). Biographie, Autobiographie – Annäherungen, Abgrenzungen [Biography, autobiography - approximations, demarca-

tions]. In M. Holdenried (Hg.), *Geschriebenes Leben. Autobiographik von Frauen* [Written Life. Autobiography by women]. Berlin: Schmidt, 390–401.

Smith, S. (1995). Performativity, Autobiographical Practice, Resistance. *Auto/Biography Studies. Vol. 10. Issue 1: Terms of Identity: Essays on the Theoretical Terminology of Life-writing*, 17–33.

Sobraniye avtobiografiy Anastasii Chebotarevskoy (2003). [Collection of autobiographies of Anastasia Chebotarevskaya]. In *Pisateli simbolistskogo kruga. Novyye materialy* [Writers of the symbolist circle. New materials]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin, 411–453.

Sotrudniki "Russkikh vedomostey" 1863–1913 (1913). [Employees of "Russian herald" 1863–1913]. In *Russkiye vedomosti* [Russian herald]. Moscow: Printing house of "Rus. Vedomosti".

Stanley, L. (2004). The Epistolarium: On Theorizing Letters and Correspondences. *Auto/Biography*, 12 (3), 201–235.

Tartakovskij, A.G. (1997). *Russkaya memuaristika i istoricheskoe soznanie XIX veka* [Russian memoirs and historical consciousness of the 19th century]. Moscow: Archaeographic Centre.

Ul'janova, G. (2004) Autobiographische Texte russischer Kaufleute und ihre kulturelle Dimension [Autobiographical texts by Russian merchants and their cultural dimension]. In J. Hellbeck, K. Heller (Eds.), *Autobiographical*

Practices in Russia. Gottingen: V&R unipress. 155–179.

Vengerov, S.A. (1889–1904). *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh (ot nachala russkoy obrazovannosti do nashikh dney)* [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists (from the beginning of Russian education to the present day)]. Saint-Petersburg: Semen. tipo-lit. (I. Efrona).

Vengerov S.A. (1914–1918). *Russkaya literatura XX veka (1890–1910)* [Russian literature of

the twentieth century], 3 vols. Moscow: A publication of the partnership “Mir”.

Vengerova, Z.S. (1897–1910). *Literaturnyye kharakteristiki* [Literary characteristics]. Saint-Petersburg: A.E. Vineke.

Voloshin, M. (1914). *Liki tvorchestva* [Faces of creativity]. Saint-Petersburg: Izdanie Apollona.

Yazykov, D.D. (1885–1890). *Obzor zhizni i trudov pokoynykh russkikh pisateley* [Review of the lives and works of late Russian writers]. Saint-Petersburg: tip. A.S. Suvorina.

Для цитирования: Анисенко Д.А. Ловец автобиографий: литературное коллекционирование Федора Фидлера // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 4. С. 138–161. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-4-138-161

For citation: Anisenko, D.A. (2023). Autobiography Catcher: Literary Collecting of Fyodor Fiedler. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (4), 138–161. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-4-138-161

AUTOBIOGRAPHY CATCHER: LITERARY COLLECTING OF FYODOR FIEDLER

Diana A. Anisenko, Senior specialist in working with partners at “Russian Encyclopedia”;
e-mail: d.anisenko@greatbook.ru

Abstract. The paper focuses on curation of (auto)biographical practices in the literary environment of the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries. Special attention is paid for non-obvious participants who were intermediaries, architects and catalysts of (auto)biographical activity. We are talking about editors, publishers, translators who encourage writers to take the position of (auto)biographers and turn (auto)biographical practices into a sign of literary life. Their activities helped to shape the literary communities, maintain public interest in literature, consolidate the high status of literature. All of this made contribution to the formation of Russian (auto)biographical culture. The graphically modified term (auto)biography allows to blur the boundaries between the participants' activities who jointly made interpersonal (literary and autobiographical) artifacts.

The curation of literary (auto)biographies is considered on the example of the activities of Fyodor Fedorovich Fidler. He was a prominent popularizer of Russian poetry, translator into German and a lecturer at St. Petersburg University. But Fidler was widely known due to his unique collection of literary of (auto)biographies and various practices of involving Russian writers in written work on themselves. We describe his large-scale (auto)biographical project, which brings literature closer to autobiography. The particular attention given to the cultural roles of Fidler. They were (translator, archivist, chronicler, editor and compiler, researcher and collector), which masters during the implementation of his project. We describe his large-scale (auto)biographical project as something that brings literature closer to autobiography. The particular attention is given to the cultural roles of Fidler. They were the roles of translator, archivist, chronicler, editor and compiler, researcher and collector, which masters during the implementation of his project. We demonstrate that Fidler was ahead of his time because of his willingness to curate. The subject of his curatorial selection,

activation, facilitation, rich accompaniment and adding value is autobiographical writing and the formation of the field of literature through strengthening the literary personality of the writer.

Key words: literary (auto)biography, (auto)biographical practices, collection, collector, curator, Russian writers, writing, exhibiting

